

Э.З. Багманова

к.и.н.

ПРОБЛЕМА «ЖЕНСКОЙ» ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР)

Проблема «женской» преступности в советское время, особенно в послевоенный период, – одна из малоизвестных страниц в истории страны. Негласное табу, наложенное на исследование этой темы, объяснялось следующими причинами. Во-первых, любое поведение, не вписывающееся в рамки поведения «советского гражданина», считалось социальной аномалией и расценивалось как «антиобщественный паразитический образ жизни». Во-вторых, документы, содержащие такого характера информацию, были засекречены. В данной статье мы попытались исследовать этот вопрос на материалах государственных архивов Республики Татарстан.

В первое послевоенное время ситуация по охране общественного порядка, борьбе с уголовными элементами и противоправным поведением населения в республике была непростой. В начале 1946 г. в большинстве районов, особенно в Апастовском, Актанышском, Билярском, Новописьмянском, Подберезенском, Рыбнослободском, преступность, по сравнению с 1945 г. увеличилась¹. В том числе, согласно статистическим данным, среди правонарушителей довольно высока была и доля женщин. Всплеск был зафиксирован в 1946-1947 гг., что во многом обуславливалось тяжелыми материально-бытовыми последствиями войны и последовавшего за ней голода. Если рассматривать типологию правонарушений тех лет, необходимо подчеркнуть, что они имели некоторые особенности.

Одним из наиболее распространенных видов правонарушений являлись случаи самовольного ухода и прогулов рабочих с производства. На основе Указа от 26 июня 1940 г. за самовольный уход служащих и рабочих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предусматривалась уголовная ответственность. Например, согласно отчету Министерства юстиции ТАССР за март 1946 г., по данной статье было осуждено 1069 человек, из них женщин – 724, или 67,7% от общего количества².

Самой распространенной причиной прогулов и самовольного оставления работы среди женщин являлась необходимость ухода за детьми. При этом объективное разбирательство часто приводило к тому, что Верховный Суд ТАССР отменял меры наказания женщинам, не выходящим на работу по этой причине. Данное обстоятельство не рассматривалось как факт преступления. Но параллельно с этим в официальной отчетности приводятся и случаи неправильного осуждения женщин. Так, женщину заочно осудили на 4 месяца тюремного заключения за самовольное оставление места работы. При этом суд не учел то обстоятельство, что работница была временно освобождена ввиду ухода за больным грудным ребенком³.

¹ На страже порядка / под ред. М.Н. Павлова. Казань, 1997. С. 128.

² НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 4. Д. 66. Л. 28.

³ НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 4. Д. 65. Л. 28.

В первые послевоенные годы увеличились также случаи хищений государственного и общественного имущества и личной собственности. Во время голода хищения государственных запасов зерна возросли в несколько раз. Для удержания «голодной преступности» правительство усилило мощь карательной системы. В результате в местах заключения возросло количество женщин-колхозниц и детей.

За первое полугодие 1947 г. в г. Казани по данным статьям Уголовного кодекса к судебной ответственности были привлечены 424 человека, из них женщин – 131, или 30,9%¹.

Подобная сухая статистика не фиксировала истинные причины, подтолкнувшие женщин к преступлениям. За ней нельзя было разглядеть искалеченные судьбы женщин и их детей. К тому же имелись факты поверхностного расследования дел. Так, работники второго отделения милиции г.Казани осенью 1948 г. привлекли к ответственности женщину за продажу пачки чая весом 50 гр.²

На почве продовольственного дефицита в первые послевоенные годы расцветала спекуляция. Неразработанная ценовая политика, бесконтрольность во многих случаях в учете сырьевых, товарных ресурсов давали возможность «нечистым на руку дельцам» заниматься спекулятивными операциями. Население республики в это время ввиду острого дефицита продовольственных и промышленных товаров снабжалось с помощью специальных карточек. Они нередко становились объектом преступного промысла – похищались, подделывались, перепродавались.

Например, в декабре 1946 г. сотрудники ОБХСС разоблачили группу расхитителей хлеба и продуктовых карточек. Инициатором хищения была А. Гуськова. После освобождения из заключения она устроилась на авторемонтный завод уполномоченной по выдаче карточек и с июля 1946 г. систематически занималась их хищением. В целом Гуськова присвоила и реализовала 225 комплектов хлебных и продуктовых карточек. Продавала их с помощью спекулянтов. Суд приговорил Гуськову к расстрелу³.

Рассматривая проблему женской преступности, следует показать и ее оборотную сторону. Нередко сельские женщины для того, чтобы прокормить голодных детей, вынужденно продавали скот или другую живность из своего хозяйства. Так, в своих воспоминаниях Д.С. Давлетшина упоминает случай ареста матери: «Мама ... после того, как арестовали отца, продала корову, рассудив, что скорее всего ее конфискуют в первую очередь... На второй день мать арестовали»⁴. Подобные факты рассматривались как «уклонение от государственных налогов и поставок» и расценивались как уголовное преступление. Или другой пример: в спекуляции обвинили вдову, многодетную мать, которая смогла одеть и обусть детей, лишь продав мед из собственного хозяйства⁵.

---

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 764. Л. 138.

² На страже порядка / под ред. М.Н. Павлова. Казань, 1997. С. 135.

³ На страже порядка / под ред. М.Н. Павлова. Казань, 1997. С. 142.

⁴ Давлетшина Д.С. Искренне Ваша, Дания Давлетшина. Казань, 2004. С. 29.

⁵ Эмирова Р. 9 Май – Жиңу көне: Без кичергән сугыш // Сөембикә. 2008. № 5. Б. 3.

Многие женщины сознательно совершали подобные «противоправные поступки», так как не надеялись на помощь государственных органов. А судебно-карательная система практически не учитывала истинных обстоятельств, побудивших женщин к этим деяниям.

Согласно официальным данным, именно в первые послевоенные годы количество осужденных женщин увеличилось в несколько раз. Например, в исправительно-трудовой колонии № 12 в конце 1945 г. числилось 456 осужденных, из них 113 женщин или 24,8%. В начале 1946 г. от общего количества вновь прибывших – 68 человек, 30 человек или 44% составляли женщины¹. Причем преобладали женщины в возрасте от 20 до 25 лет, т.е. это были либо беременные, либо с малолетними детьми, что во многом обусловило увеличение показателей детского сиротства. Например, из 12 детей, поступивших за пять месяцев 1947 г. в Кукморский дом ребенка, 9 были детьми заключенных матерей, прибывших из исправительно-трудовой колонии № 5 Свияжска². Но основная часть детей грудного возраста оставались вместе с матерями в местах заключения.

Как правило, большинство прибывших или родившихся в тюрьмах или колониях детей являлись физически слабыми и больными, поэтому нуждались в специальном уходе³. В связи с этим 16 августа 1947 г. был принят совместный Указ МВД и Совета Министров СССР об освобождении 15 тыс. женщин – беременных и с детьми до 4-х лет – от дальнейшего отбывания наказания, кроме женщин, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства. Он также не распространялся на осужденных за хищение социалистической собственности, за что отбывали срок большинство колхозниц и рядовых работниц. Этот указ «был удобен» для профессиональных воровок, спекулянтток и мошенниц⁴.

Однако если с одной стороны, нетрудоспособные женщины с детьми освобождались, то с другой – лагеря и тюрьмы наполнялись новыми жертвами, получившими срок по Указу от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи государственного и личного имущества. В ТАССР за 1949 г. среди 522 осужденных по этим статьям 21,5% составляли женщины⁵.

При вынесении приговора суд должен был учитывать многодетность женщины или наличие малолетних детей. В связи с этим иногда мера наказания для женщин смягчалась. Так, в архивных документах фонда Министерства юстиции ТАССР имеются примеры об установлении беременным женщинам и молодым матерям условной меры наказания. Но таких случаев были единицы.

В начале 1950-х гг. в официальных отчетных документах правоохранительных органов появляется дополнительный пункт среди причин привлечения населения к уголовной ответственности. Это преступления, предусмотренные

---

¹ НА РТ. Ф. Р-4819. Оп. 1. Д. 20. Л. 2-4; Д. 23. Л. 21.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 890. Л. 64.

³ Там же.

⁴ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 181.

⁵ НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 4. Д. 83. Л. 10-10 об.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона». Указ предусматривал наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь сроком от шести до семи лет за изготовление и хранение самогона с целью сбыта, а также от одного до двух лет за изготовление без цели сбыта¹. В 1951 г. женщины (103 человека) составляли 74% от общего количества привлеченных к уголовной ответственности². Причем большинство из них несли наказание по первой статье, что свидетельствует о стремлении женщин улучшить таким незаконным способом свое незавидное материальное положение.

Во второй половине 1950-х гг. наметился некоторый спад преступности. Но в документах фонда прокуратуры ТАССР продолжают встречаться примеры, свидетельствующие о преступной деятельности женщин. Правда, следует подчеркнуть, что большинство этих преступлений были совершены еще в военные или первые послевоенные годы. Наказание же правонарушителей наступило несколько позже. В основном женщины обвинялись в хищениях государственного и общественного имущества. Так, Н.Д. Маслова, начальник медсанчасти завода им. Горбунова, была осуждена на 15 лет за хищение и присвоение из государственной казны более 16 тыс. руб., Г.К. Бастамова – директор Н.-Морквашского дома отдыха, за присвоение более 8 тыс. руб. была приговорена к 8 годам лишения свободы. Ф.Н. Шакирова, секретарь отделения милиции города Казани, с 1947 по 1953 гг. занималась хищением государственных средств, за что была осуждена на 15 лет лишения свободы. В конце 1957 г. отделом милиции Челнинского района по обвинению в спекулятивной торговле промышленными и продовольственными товарами была задержана Н.Г. Юманкова. По материалам следствия видно, что в городе ее знали как человека, у которого «можно купить все дефицитные товары», причем главными и основными ее клиентами были сами женщины³.

Подобные примеры не являются спецификой женской преступности. Правонарушения такого рода совершали как женщины, так и мужчины. И причиной их распространения, по нашему убеждению, являлась несовершенная государственная социально-экономическая политика.

Преступлениями, касавшимися сугубо женского населения, стали аборты. Следует напомнить, что до середины 1950-х гг. искусственное прерывание беременности было официально запрещено. Правовые структуры совместно с представителями здравоохранения боролись с «криминальными» абортами с помощью усиления ответственности для лиц, их производящих. Поэтому любое (кроме разрешенного по медицинским показателям) прерывание беременности рассматривалось как уголовно наказуемое преступление. Врач, нарушивший закон, подвергался тюремному заключению сроком от одного года до

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 434.

² НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 4. Д. 111. Л. 102, 114.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2078. Л. 219-220, 272-274; НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 8. Д. 42. Л. 65.

двух лет, лица, не имеющие специального медицинского образования – на три и более лет. Беременной женщине, производящей аборт в нарушение закона, устанавливалось уголовное наказание в виде общественного порицания, а при повторном – штраф в 300 руб.¹ Но, несмотря на все запреты, женщины сознательно шли на этот шаг. По данным Министерства юстиции ТАССР за 1950 г., более 80% осужденных были признаны виновными. Причем прискорбным, на наш взгляд, является тот факт, что уголовных дел «о самоабортах» было в три раза больше, чем «о производстве незаконных аборт»². Часто женщины скрывали имя врача или бабки, производивших незаконный аборт, поэтому суд без тщательного изучения обстоятельств квалифицировал операцию как «самоаборт». Главным для судебных органов являлось выявление и наказание виновных.

Официальный запрет аборта в определенной степени спровоцировал возникновение такого явления, как убийство матерью своего новорожденного ребенка. Широкий характер подобных примеров отмечался в спецсообщениях органов милиции и МВД республики. Например, в докладной записке Такамышского райкома ТАССР сообщалось, что заведующая бюро ЗАГС данного района состояла в интимной связи с сыном осужденного и имела беременность. Желая скрыть от родных и от мужа факт рождения ребенка, она «убила новорожденную живую девочку и спрятала труп под крыльцом помещения районного отделения МВД». После обнаружения трупа женщина призналась в детоубийстве³.

Как видим, правонарушения, совершаемые женщинами, были различны. С целью их уменьшения и пресечения государственные органы предпринимали определенные меры. Частичное улучшение материально-бытового положения населения, законодательное закрепление права на аборт – все это способствовало снижению преступности среди женщин. К тому же следует подчеркнуть, что любой тоталитарный режим, в том числе и советский, мог обеспечить достаточно высокий уровень правопорядка.

Некоторые виды преступлений и правонарушений среди женщин могут быть объяснены спецификой военного и послевоенного времени. Как известно, многие женщины в годы войны на долгое время были лишены возможности общения с противоположным полом, некоторые стали вдовами. Эта ситуация приводила нередко к установлению так называемых «запрещенных отношений»: с военнопленными, чужими мужьями, юношами молодого возраста и т.д. Данные факты в официальных документах квалифицировались как «антиобщественный» поступок. Заметное сближение происходило также между обитателями исправительно-трудовых лагерей или тюрем с работающим в них персоналом. Официальные отчеты МВД республики содержат примеры подобных неуставных отношений. Например, в докладной записке руководителя политот-

---

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 392.

² НА РТ. Ф. Р-3622. Оп. 4. Д. 90. Л. 89.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 1624. Л. 149.

дела ИТК № 4 сообщалось о попытке самоубийства стрелка 7-го взвода М. Абуталиповой. Еще в 1944 г. были выявлены случаи близкой связи этой женщины с заключенным. За данный поступок сотрудницу колонии осудили и арестовали на трое суток. Однако уже в конце 1945 г. Абуталипова вновь была замечена в интимных связях с другим заключенным. Узнав, что информация об этом дошла до командования взвода, женщина попыталась совершить самоубийство, выстрелив в себя из служебного оружия. В своих объяснениях она оправдывала свой поступок стремлением избежать позора и осуждения со стороны руководства ИТК № 4¹.

В архивных документах, а также в воспоминаниях часто отмечаются факты бытовой и половой распущенности женщин. Подобное поведение конкретной женщины получало широкий резонанс: открыто осуждалось общественностью, широко обсуждалось на партсобраниях и в местных советах.

Таким образом, противоправное поведение женщин в изучаемый период характеризовалось следующими особенностями. Во-первых, в послевоенные годы в условиях ужесточения командно-административной системы произошло увеличение количества преступлений, совершенных женщинами. Большинство из них несли наказания за мелкие кражи, за самовольный уход с производства и прогулы и т.д. Социально-экономическая политика, тяжелые материальные условия, стремление улучшить положение своих детей во многом и определили рост противоправных деяний со стороны женщин. Во-вторых, сложившаяся катастрофическая демографическая ситуация способствовала увеличению числа так называемых «запрещенных отношений». Природа диктовала свое, и поэтому женщины, лишённые на долгое время общения с противоположным полом, вступали в интимные связи с военнопленными, заключенными, молодыми людьми. В-третьих, среди уголовных преступлений, совершенных женщинами до середины 1950-х гг., самыми распространенными являлись аборты и самоаборты. Государство же способы преодоления подобных фактов видело в усилении судебно-карательной практики, но, по нашему мнению, пути решения данной проблемы во многом зависели от общей экономической ситуации в стране и действенных мер по оказанию помощи и поддержки женщинам со стороны государственных и общественных структур.

М.Ю. Гребенкин

РОЛЬ КАЗАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В РАЗВИТИИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ (НАЧАЛО XIX В)

Для поддержания «тишины и спокойствия в империи», как того требовал манифест Александра I об учреждении МВД от 8.09. 1802 г., губернаторам Казани была необходима хорошо организованная полиция. Утвержденный в 1803 году «полицейский штат», как показал опыт, не покрывал потребностей столицы губернии. В каждом послании в Петербург губернаторы просили усилить

---

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 3799. Оп. 1. Д. 71. Л. 16-17.

городскую полицию. Её численность напрямую зависела от численности городского населения.

Сведения о состоянии казанской полиции в самом начале XIX века содержатся в описании Казани, представленном в рапорте военного губернатора П.П.Пушина от 29 января 1800 года. Сообщалось, что в городе проживают 26 565 жителей, в том числе – «дворян благородного звания», чиновников и приказных служителей – 1922, «купцов в гильдиях» – 1054, «мещан цеховых» – 4458. В нем располагалось 4 монастыря, 33 церкви, 5 мечетей, питейных домов 29, домов казенных 34, частных домов 3363. Соответственно, казанская полиция, согласно решению Сената от 21 августа 1798 года, имела 3 «полицейские части», состоящие из 3 «съезжих палат» и 12 кварталов. В кадровом отношении она состояла из полицмейстера, 3 частных приставов, 12 квартальных надзирателей, 10 канцелярских служителей, 1 прапорщика, 1 брандмейстера, 6 унтер-офицеров (3 конных, 3 пехотных), 48 рядовых (по 24 конных и пехотных) – всего 82 человека. Средствами передвижения для них являлись 27 драгунских лошадей под седлами. В разных частях города располагались 29 полицейских будок (своеобразные опорные пункты полиции). Здесь круглосуточные караулы несли привлеченные к этой службе горожане: 23 «сотских», 21 «пятидесятский», 99 «десятских», 110 караульщиков и 10 трубочистов. В завершении отчета губернатор просил добавить 70 человек к будкам, а также пожарный инвентарь¹.

Особую ценность представляет приложенный к рапорту «Список именной о чинах, состоящих в штате Казанской градской полиции на 12 февраля 1800 г.», сохранивший фамилии и ранги полицейских служащих Казани. Согласно ему, полицмейстером являлся коллежский асессор Бышковский, «частными приставами» значились: в 1-й части – коллежский асессор Фишер, во 2-й части – коллежский асессор Суров, в 3-й части – титулярный советник Столбовский. Квартальными надзирателями служили: в 1-й части – титулярный советник Зеленовский – первый, коллежский секретарь Иванов, губернский секретарь Логинов, городской секретарь Петров; во 2-й части – титулярный советник Зеленовский – второй, губернский секретарь Федерман, провинциальный секретарь Иванов, городской секретарь Козьмодемьянцов; в 3-й части – коллежский секретарь Мордвинов, городские секретари Мисников и Крахоткин, коллежский регистратор Семенов.

Данный рапорт был представлен в Петербург сенаторам, которые наложили на него следующее «экспертное заключение»: «Осмотрев казанскую полицию во всех ее видах и все относящееся к тишине, спокойствию и зависящему от нее порядку в городе, что составляет главное ее достоинство, нашли в хорошем весьма состоянии, отдаем справедливость отличному усердию, попечению и деятельности его превосходительства военного губернатора; о чем имели мы счастье засвидетельствовать и во всеподданнейшем нашем донесении Его императорскому величеству. Похваляем также добрые труды и усердное расположение к наилучшему отправлению своей должности господина полицмей-

---

¹ РГИА.Ф.1537. Оп. 1. Д. 41.Л. 7–23.

стера; надеемся, что и все чиновники полицейские всегда будут соответствовать важности звания своего и прилежностью к делу и честностью, которых всякое частное нарушение наносит вред целому доброй полиции»¹. Отмечая организаторские заслуги казанского военного губернатора по поддержанию порядка в городе, ревизоры присоединялись к его просьбе расширить штат полиции.

Одним из первых мероприятий Министерства внутренних дел был пересмотр полицейских штатов и усиление их материального обеспечения. В смету городских расходов стали включаться специальные статьи на содержание полиции: на жалованье по штату, на провиант и обмундирование, на фураж, на содержание пожарного инвентаря, на дрова, свечи. Буквально через несколько дней после создания МВД началась активная переписка с канцелярией казанского губернатора по самым разным сторонам жизни города: в отношении свободы совести, разрешении деятельности старообрядческих и мусульманских общин, о «содействии просвещению посредством устройства книжной лотереи» и т.д. Предложения по составлению штатного расписания казанской полиции и сметы её расходов в 1802 году подготовил бывший полицмейстер Санкт-Петербурга, а на тот момент – казанский гражданский губернатор – А.А. Аплечеев².

10 марта 1803 года императором Александром I был утвержден подготовленный за подписями первого министра внутренних дел В. П. Кочубея и министра юстиции Г.Р. Державина «Штат Казанской полиции по общему примерному составлению». По этому документу начальником местной полиции стал военный комендант. Город в административно-полицейском отношении по-прежнему был разделен на три части. Полицией должны были управлять полицмейстер, три частных пристава, определенные в части города, и по два ратмана (выборные от ремесленников и купцов) от магистрата на каждую часть. Каждая полицейская часть делилась на два квартала, куда назначались квартальные надзиратели. Таким образом, руководящий штат полиции составлял всего 10 человек (без канцелярских служителей, численность которых не определялась, но ограничивалась суммой «на канцелярские расходы» в размере 580 рублей на весь город в год). Полицмейстер получал жалованье 600 рублей в год, частный пристав – 300, квартальный надзиратель – 200. Ратманы, как выборные от горожан, казенного жалованья не получали. Весь годовой бюджет полиции составлял 3280 рублей³. Таким образом, вопреки ожиданиям, министерство не расширило, а сократило число казанских полицейских, что сразу дало о себе знать.

14 мая 1804 года от гражданского губернатора г. Казани Б.А.Мансурова в Департамент исполнительной полиции МВД поступило «представление о дополнении штата тамошней полиции и об учреждении в Казани комитета». Губернатор сообщал, что «по прибытии во вверенную мне Казанскую губернию

---

¹ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 41. Л. 57.

² РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-9.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5.

первою обязанностью поставил обратить внимание на часть полицейскую». Оказалось, что жители Казани собирали на полицию не один, а два сбора: один «поземельный, окладной» (12 099 руб. год), употребляемый на жалование полицейским чиновникам, воинской команде и на содержание строений, а другой – «печной, собираемый по добровольному принципу» с жителей, который достигал суммы до 16 758 руб. в год и расходовался на «будошных служителей» (будочников) и лошадей для перевозки пожарного инвентаря. Второй сбор официально не регулировался, он зависел от стараний сборщиков от каждого квартала и доброй воли их жителей, поэтому «ни губернатор, ни дума, ни полицмейстер о сборе его доселе были не извещены». Губернатор внес в МВД предложение ввести для всех жителей единый городской налог на содержание полиции и этим уравнивать размеры их повинностей¹.

В письме к министру МВД В. П. Кочубею Мансуров утверждал, что утвержденный в 1803 году штат полиции для Казани является явно недостаточным. Он писал: «По расположению города Казани, по числу в нем как жителей всегдашних, так и приезжих, и по соображению многих других обстоятельств – прибавление полицейского штата, полагаю я, необходимо нужным. Город разделен всего на три полицейские части, но оные весьма обширны, домов в оных всего 3 539, жителей всегдашних обоого пола до 32 000, да по коммерческим делам и прочим надобностям приезжающих до 5 000, а весной и более». И далее сообщалось, что судов на волжской пристани, которая находится от города в пяти верстах, насчитывается до 800, людей на оных до 17 000. За пристанью также осуществляет надзор городская полиция. Кроме того, к городу прилегают Адмиралтейская, Козья, Подлужная слободы и село Архангельское в двух верстах от города. Во всех слободах 1 109 домов и 2 663 жителя, кроме приезжих. Эти села, по мнению губернатора, требуют «особливого надзора и отделения полицейских служителей». Все эти причины и побудили губернатора обратиться к «исходатайствованию высочайшего утверждения расширенного штата казанской полиции». Для наглядности его помощниками была составлена таблица дополнительного штата казанской полиции².

Дополнительный штат Казанской полиции	Количество человек	Плата каждому	Плата всего
При полиции секретарь (чиновник 14 класса по «Табели о рангах»)	1	200	200
В каждой полицейской части:			
Помощников квартальных надзирателей	2	180	360
Письмоводитель	1	120	120
Канцелярский служитель	1	60	60
Брандмейстер унтер-офицерского чина	1	80	80
Итого на три части	15		1860

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-11.

² На РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

С полицейским чиновником (секретарем)	16	2060
А на всю вообще полицию (с прежним и дополнительным штатом)	26 (не считая ратманов и воинской команды)	5340

Таким образом, к утвержденным по штату 1803 года 3 280 рублям губернатор просил добавить 2060 рублей, рассчитывая, что такая «сумма для жителей не может быть отяготительной, а полиция чрез то будет приведена в настоящую силу действия». Воинскую команду предлагалось «заимствовать из губернской роты, с прибавкой особенно для полиции 12 человек драгун при одном унтер-офицере с жалованием и содержанием в амуниции» за счет не города, а военного ведомства. Сумму, необходимую на инструменты, лошадей, освещение города, содержание ночных и пожарных служителей, губернатор предлагал ежегодно определять в ноябре месяце «по общему положению гражданского губернатора, полицмейстера и думы так, чтобы она на каждый год по примеру расходов прошедшего, была точно назначена». В декабре того же года Мансуров сообщил, что в Казани учреждается особый комитет из всех представителей города для изыскания средств на расширение штата городской полиции.

Усилить казанскую полицию губернатору удалось лишь спустя 4 года. В отчете за 1808 год он сообщал, что в Казани введен такой же налог с жителей, как в Петербурге. Его размер описан в «Постановлении думы о проведении денежных сборов с домов на содержание полиции»¹.

Смета расходов казанской городской (шестигласной) думы

Жалование унтер-офицеру	15 руб.
Жалованье драгунам – на 12 чел.	117 руб.
Провиант	182 руб. 63 коп.
Фураж на 13 лошадей	601 руб. 60 коп.
Амуниция	130 руб.
На починку амуниции	26 руб.
На «ремонт лошадей»	48 руб. 75 коп.
На наем 2-х домов	675 руб.
На починку в драгунскую команду	2 500 руб.
На свечи сальные	143 руб. 77 коп.
На дрова	2620 руб. 20 коп.
На «поправление пожарных инструментов»	400 руб.
На содержание плантации ревеня в г. Казани	25 руб.
Следует заплатить долг за 1807 год	1500 руб.
Бывшему полицмейстеру Бышковскому за 1801 год жалование	255 руб.
Всего	9239 руб. 95 коп.

В итоге, Б.А.Мансурову на некоторое время удалось усилить полицию. В

¹ На РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 131. Л. 3-4.

Петербурге об эффективности этих действий судили по губернаторским отчетам, и в частности, по приводимой в них статистике «решённых и нерешённых» полицейских дел. Они настраивали столичных чиновников на оптимистический лад: «К 1805 году осталось нерешёнными 98 дел, к тому числу поступило 7 632, из них решено 7 706, а к сему 1806 году осталось только 24 дела. И в дальнейшем эта тенденция сохранялась: в 1806 году осталось 24 дела, поступило 6 918, из них решено 6 911, неоконченных осталось только 31 дело»¹. Эта картина резко ухудшилась после войны 1812 года, когда в Казань прибыло много пленных, беженцев, голодных сельчан, а финансирование местных органов власти почти прекратилось. В те годы Казань стала считаться одним из самых неблагоприятных в криминальном отношении городов.

В 1815 году к исполнению обязанностей губернатора Казани приступил И.А.Толстой. Ему пришлось приложить много усилий для восстановления полиции. И делал он это, в основном, за счёт городских средств. О нехватке полицейских чиновников он сообщил в Петербург в первом же своём отчёте «Об устройстве полиции Казани и вообще о доходах и расходах сего города». Толстой сообщал, что город сильно вырос, что в нём проживает уже более 56 270 жителей, а вся полиция состоит всего из 10 человек: полицмейстер, 3 частных пристава и 6 квартальных надзирателей. Для эффективного контроля над жителями он предлагал разделить город на 5 «полицейских частей» и 10 кварталов. В отчете есть подробное описание каждой части с указанием числа домов и количества жителей, в нем имеется карта города. Кроме того, Толстой предлагал учредить при полицмейстере должности пристава уголовных дел и пристава гражданских дел, усилить службу брандмейстеров для борьбы с частыми городскими пожарами, от которых не раз Казань выгорала. Понятно, что это требовало значительных финансовых средств, которых в казне к тому времени не было.

По подсчётам губернатора, на содержание городской полиции необходимо было тратить 84 574 рубля ежегодно. Сложение получаемых из казны (18 910 рублей по штату 1803 года) и от городских обывателей (38 414 рублей 43 копейки) средств эту цифру не давало. Недостающую сумму губернатор планировал получить за счёт введения дополнительного налога с казанских домовладельцев в размере 1 % от оценки дома, торговой лавки и торгового места. Предполагалось, что единый налог заместит бы разные сборы с разных собственников недвижимости, размер которых определялся либо «по традиции», либо в зависимости от общественного положения владельца, либо просто произвольно. Для убедительности он представил в министерство данные о состоянии городских доходов. Получив всё эти материалы, министр полиции С. К. Вязмитинов обратился к министру финансов Д. А. Гурьеву с просьбой оценить предложения казанского губернатора.

14 января 1819 года министр финансов вынес следующее заключение: «... как во всех городах и даже в здешней столице, где устройство полиции, по недостатку экономических доходов, обращено на обязанность обывателей, сбор с цены их состояний не превосходит более половины процента, то и

---

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 59. Об.

в Казани, по мнению моему, без отягощения жителей таковою градской повинностью, прилично было бы установить сбор на полицию в той же мере и не выше половины процента с оценочного рубля всех недвижимых имуществ»¹. Поэтому расширения штата казанской полиции так и не произошло.

Сменивший И.А. Толстого новый губернатор П.А. Нилов в первый же год своего управления подал министру В. П. Кочубею представление «об устройстве губернской полиции». В нём сообщалось, что «...встретил весьма ограниченную и малую полицию, обязанную выполнять личные предписания, требования, частные просьбы и наблюдать за тишиной и спокойствием и чистотою...города», где 6-й месяц нет полицмейстера, только 3 частных пристава, шесть квартальных офицеров. Примечательно, что к документу прилагалась копия прошения бывшего губернатора И.А. Толстого на этот счет.

В обращении в МВД от 21 марта 1822 года «О беспорядках и злоупотреблениях по Казанской губернии» П.А. Нилов докладывал: «В самой Казани нашел величайший недостаток полицейского устройства. Сборы на полицейские надобности производились без всякого порядка, без отчета и с отягощением «недостаточных» жителей». Губернатор призывал вернуться к предложению своего предместника об учреждении сбора с оценки домов по примеру столиц. Для чего он предварительно советовался «о приличии и удобстве сего с почетнейшим дворянством и купечеством»². На словах инициатива губернатора всеми была одобрена, но до дела так и не дошло. Помешал этому разгоревшийся конфликт между предводителем местного дворянства и губернатором. В результате казанские дворяне отказались поддерживать какие-либо инициативы Нилова.

Тогда он решил напрямую обратиться в Градскую думу. Она приняла его предложение, но ряд влиятельных дворян и чиновников бойкотировали его решение. Это обострило конфликт. Как явствует из материалов дела, губернатор разразился «укорительными выражениями», а местное дворянство сочло себя оскорбленным. В этой ситуации министр занял осторожную позицию и заявил, что, конечно, «старание губернатора о приведении в порядок части полицейской заслуживает всякой похвалы...», но распоряжения губернатора к усилению доходов городских не могут признаны быть совсем правильными. Вообще учреждаются для сего особые Комитеты из жителей разных сословий, в коих делают соображения о расходах. Соображения сии... представляются Министерству внутренних дел... и не иначе исполняются, как с Высочайшего утверждения». Из текста следовало, что губернатор «продавливал» проект, нарушая процессуальный порядок прохождения подобных дел. Ссылаясь на это, горожане стали платить в пользу полиции еще меньшую сумму и отказались поставлять в полицию будочников и лошадей³.

При П.А.Нилове число городских стражников возросло до 350 человек, но получить средства на их содержание ему никак не удавалось. Формальности по

---

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 38. Л. 1-11.

² Там же. Л. 53 -54.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 315. Л. 25.

созданию специального комитета по пересмотру городских доходов и расходов, как полагал губернатор, лишь усугубили бы положение дел в полиции. Не теряя времени, он решил казанскую полицию одеть по единому образцу, т.к. предыдущие упущения и злоупотребления по этому ведомству привели полицейских служителей в жалкое бедственное состояние. В результате некоторые из них вынуждены были носить собственную одежду, добывать пропитание милостыней, а многие в зиму обморозились. Пётр Андреевич искренне полагал, что обмундирование полицейских и устройство фонарей для Казани – это давно назревшая задача, поэтому собственным решением предписал увеличить городские сборы почти вдвое и собрать дополнительно 15 тыс. руб. для освещения улиц. На это «самоуправство» во все инстанции посыпались жалобы за подписью губернского предводителя дворянства. В итоге, даже несмотря на учреждение 20 июня 1822 года комитета по уравниванию городских повинностей, старания П. А. Нилова по «удовлетворению нужд казанской полиции» не возымели успеха.

Безусловно, не все проекты казанских губернаторов по развитию полицейских органов реализовывались. Многие вязли и угасали в рутине министерских бумаг. На большинство просьб не хватало средств у государства. Губернаторы искали возможности разрешения финансовых проблем за счёт городских доходов, а это требовало времени, упорства, знания законодательства. Дело, начатое одним правителем губернии, как правило, продолжалось другим. Преемственность их управленческой политики указывала, с одной стороны, на «медлительность решения дел», с другой, на значимость поднимаемых проблем. Одной из таковых было «благоустройство казанской полиции».

А.В.Иванов, к.и.н., доцент

ИСТОРИЯ РОССИИ XIX ВЕКА В ПСИХОЛОГО-БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ М.О.ГЕРШЕНЗОНА (1869-1925 гг.)

Имя Михаила Осиповича Гершензона (1869-1925 гг.) в отечественной историографии чаще всего соотносится с выходом в 1909 году сборника статей о русской интеллигенции «Вехи», с идеологией «веховства» как критического осмысления революционных ценностей, хотя он был, прежде всего, знатоком русской культуры и общественной мысли XIX века.

Историософия XX века развивалась на обобщениях всемирной истории, в то время как историософское понимание России Гершензон строит на основе исторической биографии. В исторических биографиях Гершензона главное не хитроумное переплетение сюжетных линий повествования из жизни «героя», не удачная композиция материала, что, конечно же, присутствует в работах историка, а филигранная техника слов-мазков, как у художника-импрессиониста, особый гершензоновский стиль письма.

Жизнеописание личности не исчерпывается для Гершензона суммой биографических фактов. Внешняя жизнь личности – своего рода ряд неясных символов, которые исследователь должен перевести в картину психологических мотивов поведения индивида, его устремлений и неясных помыслов. Духовная жизнь своих «героев» для Гершензона может быть выражена, в первую очередь,

через интуицию ученого, а логическое оформление материала есть своего рода обрамление исследования, чтобы легче было донести свою идею до читателя.

Гершензон исследовал своих «героев» в двух направлениях. Во-первых, для него были важны индивидуальные черты человека, оригинальные стороны сознания личности, которые выделяли его из окружающей среды. Во-вторых, типичные стороны человеческой жизни, характерные для данной эпохи.

Для Гершензона «биографию нельзя писать иначе, как изнутри наружу; ее сердцевиною, ее основой должно быть ясное уразумение пути, которым шло внутреннее развитие данной личности: только при этом условии биография из собрания материалов превращается в историю органического роста личности»¹.

По Гершензону, через биографию важно передать «цельный умопостигаемый образ». Этого можно было достичь путем историко-психологического анализа личности «героя». Гершензон в рецензии на книгу В.Е.Чешихина-Ветринского «Т.Н.Грановский и его время» рассматривает два вида биографических исследований: исторический очерк и историко-психологическая работа².

Исторический очерк, по Гершензону, только описывает, но не анализирует. В этом случае «совершенно нет органической связи ни между отдельными частями изображаемой психологической картины, ни между этой картиной в целом и характером эпохи», – пишет ученый³. Такой исторический очерк-биография есть сводка материала по внешней биографии и умственной жизни исследуемого индивида.

Историко-психологическое исследование Гершензону представлялось как интуитивное проникновение на основе источников личного происхождения в жизнь личности, создание не просто его интеллектуальной биографии, а некоего психологического слепка из неосознанных устремлений индивида, мотивов его поведения, страхов и пристрастий. Важно было также для Гершензона понять глубинные религиозные переживания «героя», скрывавшиеся подчас под напластованиями официальной религии.

«Одно из двух, – писал Гершензон, – или биография сводится к перечислению последовательных фактов и дат, вроде тех заметок, что помещаются в энциклопедических словарях, или же она стремится показать внутренний склад личности и его постепенное раскрытие, и обнаружение на протяжении всей жизни; третьего здесь нет».

Создание исторической биографии для Гершензона – это познание глубин чужого духа, который он представляет по аналогии с собственными душевными переживаниями. Художник или писатель, проникая в глубинные движения чужой души, анализируя внешний образ человека, может достаточно верно наметить психологический облик индивида. «Но одно дело – верно угадывать в

---

¹ [Рецензия] / М. Гершензон // Вестник Европы. 1908. № 8. С. 760. Рец. на кн.: Ветринский Ч. и Герцен. СПб., 1908.

² [Рецензия] / М. Гершензон // Новое слово. 1905. № 7. С. 166. Рец. на кн.: Ветринский Ч. / Вас. Е. Чешихин. Т.Н. Грановский и его время: исторический очерк. СПб., 1905.

³ [Рецензия] / М. Гершензон // Вестник Европы. 1908. № 8. С. 756. Рец. на кн.: Ветринский Ч. и Герцен. СПб., 1908.

общих чертах, другое – непосредственно воспроизводить детальную картину этих скрытых, невероятно сложных душевных движений», – считает Гершензон.

Вот как раз такую сложную задачу ставит перед собой ученый – создание биографии-слепок, биографии-зеркала, которое максимально точно воспроизводило бы его персонажей. Но такая биография порой зеркально отражала не жизнь индивида прошлого, а в ней высвечивалась внутренняя жизнь самого Гершензона. Так, одним из первых это заметил Н.А.Бердяев, который в своей рецензии на «Исторические записки» утверждал, что интерпретация славянофил автором однобока, так как Гершензон «берет в славянофильстве лишь то, что связано с той позицией, на которой сам стоит»¹.

Но Гершензон понимает, что всякий историк и художник, будь то Л.Ранке или Л.Н.Толстой, воссоздавая прошлое по образу своего духовного мира, обобщая по некоторой схеме, отмечает кажущееся им случайным и тем искажает былую действительность. Ценность таких работ, по Гершензону, сугубо «педагогическая», поэтому он рекомендует читателям «подлинную историю» искать не у них, а в живых остатках угасшей жизни, в ее собственных загробных повествованиях”.

Как видим, Гершензон советует читателю оставаться наедине с источником, минуя комментарии историка для большего приближения к атмосфере прошлого, которое искажается при чужой интерпретации, будь даже профессионального исследователя.

Гершензон в своих исследованиях так и поступал, полностью погружаясь в письма и дневники людей XIX века, он старался не обращать внимания на современную ему историографию для “чистоты” воспроизводства прошлого. Даже ближайший товарищ Гершензона П.Щеголев упрекает ученого в склонности к пренебрежению к чужим исследованиям².

В своих биографиях людей XIX века Гершензон редко знакомит читателя с “кухней” историка, как он достиг такого результата, а не иного. Избегая тяжелых выкладок-аргументаций, Гершензон знакомит читателя с конечным продуктом своего исторического творчества - с яркими афористичными характеристиками своих героев. Исключение составляют “П.Я.Чаадаев” (СПб., 1908), “Жизнь В.С.Печерина” (М., 1910) и “Декабрист Кривцов и его братья” (М., 1914), где Гершензон подробно останавливается на каждом шаге своих героев, скрупулезно разбирает личные бумаги своих “героев”.

Основной материал для написания биографий Гершензон черпал из писем, дневников и мемуаров. В источниках личного происхождения Гершензон выделял объективные факты, отношение к ним автора в момент самого действия и отношение автора к фактам в момент описания³. Для Гершензона историческая реальность изменялась в момент действия индивида и потом опосредован-

---

¹ Бердяев Н.А. Исторические записки и современность // Московский еженедельник. 1910. № 12. С.48.

² [Рецензия] / П. Щеголев // Книга и революция. 1920. № 2. С. 57. Рец. на кн.: Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919.

³ Гершензон М.О. История молодой России. М.-Птр., 1923. С.30.

но во время реконструкции исторической действительности субъектом в воспоминаниях через некоторое отдаленное время. Гершензона, в первую очередь, интересовала не сама объективная действительность, а ее преломление в сознаниях людей, то есть субъективное отражение исторической реальности. Именно через столкновение нескольких субъективных отражений исторической реальности Гершензон выходил на создание собственной картины прошлого.

Гершензон считал, что при создании биографий нельзя давать нравственную оценку деятелям прошлого, так как такой взгляд антиисторичен¹. Но в то же время, иррациональное начало в человеке было столь притягательно для Гершензона, что он порой людей оценивал только по такому критерию. Так, например, одного из современников Пушкина он охарактеризовал как “ум, лишенный способности чувствовать силу и красоту иррационального в мире, - плоский и скудный ум, и таков, при всей своей остроте, был ум Раевского. Высшие сферы человеческого духа были для него закрыты”².

При написании биографий русских интеллигентов XIX века Гершензона интересовали прежде всего глубинные течения человеческого сознания, которые “непрерывно восходят вверх и определяют собою как наружные чувства, настроения и мысль, так и внешние проявления человека – выражение лица, речь и поступки”³.

Традиционный подход в изучении персоналий через призму их деяний, общественно-политических, историко-философских взглядов имел место в работах Гершензона в том случае, если приходилось восстанавливать биографии малоизученных (П.Я.Чаадаев) или совсем неизвестных людей (В.С.Печерин). Гершензона прежде всего интересуют проблемы, оставшиеся на периферии отечественных исследований, – это вопросы религиозного осознания жизни интеллигентом, нравственное ядро его личности, чувство иррационального. Поиск и воссоздание иррациональных элементов сознания личности (если они есть) – такова исследовательская задача Гершензона.

История русской общественной мысли XIX века и духовные устремления интеллигенции, то есть ее религиозно-философские поиски, нравственные искания, в понимании Гершензона, лучше всего могут быть показаны в биографических исследованиях.

Можно выделить следующие группы биографических работ Гершензона. Во-первых, это исследования, показывающие жизнь декабристов, а также жизнь типичнейших представителей дворянского общества первой четверти XIX века⁴. Во-вторых, это работы, раскрывающие развитие образованных лю-

---

¹ [Рецензия] // М. Гершензон // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 369. Рец. на кн.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 г.г. По подлинным делам Третьего Отделения Соб. Е. И. Канцелярии. М., 1908.

² Гершензон М.О. История молодой России. М.-Птр., 1923. С.47.

³ Бп. [рец.]: Литературно-художественные альманахи издательства “Шиповник”. Кн.5. СПб., 1908 // Вестник Европы. - 1908. - № 8. - С.764.

⁴ Семья декабристов // Былое. 1906. № 10. С.288-317; № 11. С.162-189; Русский юноша сто лет назад // Русская мысль. 1911. № 8. С.18-25; Братья Кривцовы // Современник. 1912. № 7.

дей последекабристского, николаевского времени. Здесь, с одной стороны, работы по славянофилам – Ю.Ф.Самарину, братьям Киреевским, с другой стороны, по “ранним идеалистам” – Н.В.Станкевичу, Т.Р.Грановскому, а также чуть поодаль стоящим А.И.Герцену и Н.П.Огареву¹. В-третьих, труды, посвященные религиозным «мыслителям-одиначкам», таким, как П.Я.Чаадаев, В.С.Печерин².

Выдвинув идею о ходе истории как преобладании или рационального, раздробленного сознания, или религиозного, целостного сознания, Гершензон ищет биографии людей, который могли бы ярко и убедительно продемонстрировать читателям гершензоновское понимание двухфазного исторического развития.

Гершензон, обращаясь к российской истории начала XIX века, попадает под обаяние патриархального дворянского быта, очаровывается жизнью помещичьей усадьбы, где все ему кажется цельным, законченным и самодостаточным. Человек начала XIX века, укорененный в быту, в хозяйственных делах своего дома, заботящийся о своих близких, казался Гершензону цельной натурой.

Таким образом, биографии совершенно различных, полярных по своим убеждениям людей должны были продемонстрировать, по мнению ученого, что все идейное многообразие имеет под собой или религиозное чувство осознания целостности мира и человека, или рационалистическое обоснование многосложности и мозаичности мира.

Особое место в биографических исследованиях Гершензона занимает нахождение ценностных ориентаций индивидов, анализ человеческих устремлений и религиозно-мистических переживаний. Ощущая недостаточную эффективность «внешних биографий», Гершензон стремился создавать внутренние жизнеописания индивидов.

Реконструкция внутреннего мира индивида в биографических исследованиях Гершензона достигалась путем интуитивного прочтения источников личного происхождения жизни человека.

Принципиальная новизна биографических исследований Гершензона в

С.3-43; № 8. С.21-57; № 9. С.17-55; № 10. С.79-120; № 11. С.127-161; № 12. С.26-48; Грибоедовская Москва // Голос минувшего. 1913. № 11. С.11-64; № 12. С.5-41; Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.

¹ Н.П.Огарев и его крепостные // Научное слово. 1903. № 4. С.82-108; История одной дружбы. Грановский, Герцен, Огарев // Научное слово. 1903. № 8. С.75-95; № 9. С.48-59; Н.В.Станкевич // Новый путь. 1904. № 11. С.51-82; Памяти Т.Н.Грановского // Ежемесячный журнал для всех. 1905. № 10. С.624-627; Социально-политические взгляды А.И.Герцена. М., 1906; И.П.Галахов. Один из людей сороковых годов // Вестник Европы. - 1906. - № 12. - С.485-501; Герцен и Запад // Русская мысль. 1907. № 3. С.135-158; Западные друзья Герцена // Былое. 1907. № 4. С.62-94; № 5. С.205-227; Н.П.Огарев и его любовь // Вестник. 1907. № 10. С.650-681; № 11. С.5-74; История молодой России. М., 1908; И.В.Киреевский // Вестник Европы. 1908. № 8. С.613-639; Образы прошлого. М., 1912; Н.П.Огарев // Голос минувшего. 1913. № 2. С.230-234.

² Молодость П.Я.Чаадаева // Научное слово. 1905. № 6. С.83-121; К характеристике П.Я.Чаадаева // Былое. 1906. № 4. С.243-253; Петр Яковлевич Чаадаев тридцатых и сороковых годов // Вестник Европы. 1906. № 4. С.527-278; П.Я.Чаадаев. СПб., 1908; В.С. Печерин // Научное слово. 1904. № 4. С.65-89; № 1. С.63-112; Жизнь В.С. Печерина. М., 1910.

том, что у него, в первую очередь, развивается диалог не с читателем, а как бы с изучаемым индивидом. В биографических работах Гершензона прослеживается не просто сопереживание мыслям и поступкам своего героя, но диалог с ним.

Гершензон незримо вторгается, присутствует в жизни своих персонажей, растворяет свое “я” в людях прошлого. С одной стороны, это дает впечатляющий эффект реальности происходящего, но в то же время произвольные, построенные на интуитивных догадках биографии отражают в большей степени мир исследователя, чем реальность прошлого.

А.Л. Камалов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ С.Л.ФРАНКА НАЧАЛА XX ВЕКА

Творчество Семена Людвиговича Франка (1877–1950) не так широко известно, как работы Н.А. Бердяева, П.Б. Струве и многих других российских философов и обществоведов начала XX века. С.Л. Франк относится к наименее изученным представителям отечественной общественной мысли.

Попытка осмысления государствоведческой проблематики С.Л.Франком в рамках отечественной политико-правовой мысли начала XX века остаётся актуальной и в наше время. Изучение существовавших концепций, включая историософию Франка, должно помочь современному российскому обществу при определении направления развития страны, перед которой открыто несколько путей: либерализм, консерватизм или возвращение к тоталитарной системе.

Достаточно значимое место среди различных политико-правовых направлений отечественной мысли занимает то, которое можно обозначить как религиозно-правовое, к которому можно отнести позицию С.Л.Франка.

Творчество Франка как мыслителя религиозно-правового направления можно разделить на несколько последовательных этапов.

В начале своего интеллектуального пути Франк прошел через увлеченность легальным марксизмом, как Н.А. Бердяев, П.Б. Струве и другие российские интеллигенты конца XIX века.

Постепенно он кардинально меняет свои мировоззренческие позиции, придя к выводу о пагубности революционного переустройства общества, и взгляды его становятся более консервативными и переходят в религиозную плоскость.

Своё кредо С.Л. Франк выразил в статье «Мережковский о «Вехах». «Мы, однако, – участники «Вех» – полагаем и стараемся напомнить, что в духовном, как и пространственном мире, существуют, кроме правого и левого еще направления вперед и назад, вверх и вниз; и мы ищем нового пути, который вообще не укладывается в старую привычную линию «справа налево, и слева направо». Поэтому, упрекая нас в реакционности, в движении направо, нас не понимают вдвойне. С одной стороны, на нас клеветают: мы совсем не предпочитаем «левому» «правое», мы не повернули назад по старому пути; мы полагаем, что та торная дорога, которая направо ведет к союзу русского народа, а налево

к максимализму, обоими своими концами ведет не на гору, а в болото. С другой стороны, мы пожалуй «изменники» в гораздо большей мере, чем то полагают люди, загипнотизированные, как петух меловой чертой, направлением справа налево; ибо мы вообще покинули этот старый путь, ищем выхода вообще не направо и налево, а только вперед и вверх; а «правое и левое» перестали для нас быть первичными критериями», - писал философ¹. Как видим, Франк, как и другие «веховцы», избрал свой путь общественного развития. Философ говорил «о возможности и необходимости поисков «третьего пути», что означало «отказ как от реакции, так и от революционного радикализма», – верно заметил Е. Голлербах². Отказываясь от политических критериев «правого и левого», что раскалывало общество на два непримиримых лагеря, Франк и другие «веховцы» предлагали позицию интеграции общественных сил на основе религиозного гуманизма и терпимости. Основопологающей идеей «веховцев» было признание приоритета внутренней духовной жизни личности над внешними формами общежития, то есть над политикой.

С.Л. Франк неизменно подчеркивал, что жизнь общества не исчерпывается жизнью государства, и указывал на громадную роль в ней гражданского общества. Государство и гражданское общество, считал он, тесно связаны, но государство есть начало планомерности в общественной жизни, а гражданское общество есть начало спонтанности и свободы.

Неотъемлемым спутником всякого общества, где меньшинство властвует над большинством, считал Франк, является неравенство. Иерархизм межчеловеческих отношений является вечным спутником государства. Принцип иерархизма порожден природой самого общества, являющегося целостной системой, требующей руководящей руки.

Важность и нужность иерархизма вытекала, по Франку, также из объективной необходимости реализации функции квалифицированного и нравственного служения интересам целого. Так как эту функцию не в состоянии выполнить все, необходим отбор и выявление «лучших» и умелых, которые будут руководить «худшими». Тем не менее, подчеркивает мыслитель, следует иметь в виду, что всякая длительно существующая форма иерархизма с замкнутостью классов и групп склонна к вырождению.

Апология общественного иерархизма сочеталась у Франка с критикой демократической идеи «всеобщего равенства», популярной в Европе XIX—XX столетий. Мыслитель считал, что задача утверждения «начала равенства» как незыблемого верховного принципа общественной жизни генетически связана с гуманистической идеологией обоготворения человека, причем не в его идеальном, а в его «теперешнем» состоянии. Франк был далек от идеализации человека, от рассмотрения его как «меры всех вещей». Человек, считал он, способен как к добру, так и ко злу. Он может быть агрессивен, жесток, ленив и эгоисти-

---

¹ Слово. 1909. 28 апреля.

² Голлербах Е. Религиозно-философское издательство «Путь». 1909 – 1919 гг. // Вопросы философии. 1994. №2. С.127.

чен. Люди не равны по своим физическим, душевным свойствам, по социальному положению, обязанностям. «Греховность» и прирожденная неодинаковость людей делает идею равенства эмпирически неосуществимой. Задача совершенствования общественного устройства заключается не в том, чтобы удовлетворить завистливое стремление людей «быть как другие», а в том, чтобы поставить каждого в соответствующее его достоинствам и способностям место. Когда человек обретает надлежащее ему место в иерархической лестнице, он обретает и равное достоинство. Равенство в политической философии Франка понимается не как равенство прав и притязаний человека, не как «эгоистическая обида за себя и желание, оглядываясь на другого, получить столько же», а как равенство достоинства и обязанностей. Равенство есть прежде всего «всеобщее священство», связанное с религиозно-нравственным предстоянием перед Богом.

Гарантией устойчивости общества является, считал Франк, его внутренняя духовная спаянность, солидарность, «зиздущаяся на живой близости, на великом нравственном принципе любви к ближнему». Чем прочнее эта солидарность, тем устойчивее общество. Конкретными носителями начала общественной устойчивости являются, по мнению философа, традиции. Они обеспечивают продолжение жизни прошлого в настоящем и защищают общество от потрясений. Франк не боготворил традиции. Он понимал, что если принцип охранения очень силен, то общественная жизнь замирает в неподвижности, и творчество исчезает. Гармонию и устойчивость общественного целого обеспечивает двуединство традиции и творчества. Однако там, где принцип творческой инициативы не вызревает в лоне традиции, там он внутренне бессилён, ничего не рождает, а лишь разрушает то лоно, в котором совершается. Порыв народного самовыражения в рамках традиции приводит к тому, что общество становится орудием произвола кучки властвующих. Тогда в нем созревает атмосфера социальной агонии. Созрев, она разрешается через социальные революции — разрушительные духовно-психологические «взрывы анархических страстей, накопившихся в человеческих душах».

С. Л. Франк особо подчеркивал разрушительный характер радикальных революций, одержимых немотивированным утопическим активизмом. Если после проделанных экспериментов израненное общество все-таки в дальнейшем оживает, то это, считал философ, есть результат действия сохранившихся в нем здоровых сил прошлого. Франк особо подчеркивал разрушительный характер способа осуществления общественных преобразований, свойственного этим революциям, их насилие над живой жизнью. Именно поэтому, отмечал мыслитель, «классической темой» революции, повторяющейся в бесконечных вариациях, является превращение героев, одержимых самоотверженной жаждой установить на земле добро, в диких извергов, водворяющих анархию или бесчеловечный деспотизм. В этом смысле революции становятся родственными контрреволюциям и любым другим насильственным формам осуществления абсолютных идеалов общественно-духовного устройства общества.

С. Л. Франк с социально-философских позиций критиковал «узкий поли-

тицизм», однобокое преувеличение роли тех или иных отвлеченных политических принципов в жизни общества и человека. Отрыв этих принципов от реальности и придание им статуса абсолютной истины он называл «политическим кумиротворчеством», к анализу метафизических истоков которого обращался в своих работах («Философские предпосылки деспотизма» (1907), «Этика нигилизма» (1909)).

С общей социально-философской точки зрения, демократическому принципу самоопределения отдельного поколения можно и нужно противопоставить начало наследования. Характерным политическим выражением начала наследования являлась, по мнению философа, монархия как теократически обоснованная наследственная верховная власть. Идея царя как помазанника Бога, считал Франк, глубоко верна, так как ясно выражает «интересы общества как сверхвременного единства, как соборного лица». Откровенные симпатии Франка к конституционной монархии как к форме правления, обеспечивающей твердую государственную власть, устойчивость и стабильность общественного развития, не означали рассмотрения этой формы в качестве априорно заданного общественного идеала, который можно навязывать кому бы то ни было. Верность и осуществимость общественного идеала Франк связывал с соблюдением целого ряда конкретных условий. Прежде всего, свободно выбранный идеал должен соответствовать общим, вечным принципам общественной жизни. Кроме того, он должен быть в согласии с характером того эмпирического материала, к которому он прилагается. К эмпирическим условиям, требующим несомненного учета в деле выяснения применимости того или иного идеала, Франк относил: 1) материальные условия жизни данного общества; 2) его духовное (нравственное, религиозное, умственное) состояние, а также духовное состояние его отдельных слоев; 3) отношения между разными слоями (классами, национальностями и т. п.); 4) исторические задачи, которые в данный момент стоят перед обществом.

Итак, на процесс формирования политико-правовых взглядов С.Л. Франка существенное влияние оказал либерализм в его классическом варианте, что выразилось в приверженности мыслителя теории естественного права и концепции разделения властей. Это влияние обусловлено непосредственной вовлеченностью мыслителя в события первой русской революции. Отход С.Л. Франка от либерального мировоззрения связан с углубленным изучением им сущности власти в человеческом обществе и наблюдением за революционными событиями, разрушающими государственность и правопорядок.

С.Л. Франк спасение для интеллигенции видит в переходе к «творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»¹. Интеллигенция, по Франку, должна отказаться от своих революционных ценностей для созидания «абсолютных ценностей» человека.

Онтологическая теория общества, права и государства, разработанная С.Л.

---

¹ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 199.

Франком, представляет собой один из вариантов правового консерватизма, при сохранении отдельных либеральных черт (либеральный консерватизм). Предложенная мыслителем система регуляторов общественной жизни, основанная на приоритете веры и нравственности, свидетельствует о попытке обосновать интегральную концепцию правопонимания, в которой праву отводится важная, но вспомогательная роль ограничителя анархических порывов несовершенного по своей природе человека. Задачи государства при этом несводимы только к функциям арбитра и предусматривают активное участие в социальной жизни, направленное на поддержание ее онтологических устоев. Пытаясь найти баланс соотношения интересов личности и государства, С.Л. Франк фактически отдает приоритет правовому консерватизму, так как выступает сторонником религиозного понимания естественного права. В его трактовке оно представляет собой «естественный закон» бытия, которому подчиняются все люди.

Социально-политические идеи являются составным элементом целостной философской системы С.Л. Франка и имеют философское и методологическое обоснование, базирующееся на гносеологической теории и детально проработанной методологии социального познания, исходящей из понимания духовного характера общественного бытия.

Политико-правовые взгляды С.Л. Франка детерминированы его религиозно-антропологическими представлениями, позволяющими установить равновесие между свободой личности и единством общества. Идея соборности является преломлением принципа всеединства в сфере общественного бытия. Представление С.Л. Франка о богочеловеческой сущности природы человека согласуется с его суждением о духовном единстве общества.

Политико-правовые идеи С.Л. Франка имеют этический характер, оправданный традицией русской религиозно-философской парадигмы и соотносены с общей метафизической системой. Предложенная С.Л. Франком система регуляторов общественной жизни, основанная на приоритете веры и нравственности, выражает стремление найти баланс соотношения интересов личности и государства. Философско-правовые идеи С.Л. Франка соответствуют концепции правового государства. Значение основных социально-политических институтов обосновывается С.Л. Франком через выявление их метафизического основания.

Политический реализм С.Л. Франка основывается на убеждении в неосуществимости радикального переустройства общества в соответствии с каким-либо рациональным социально-политическим проектом, в возможности только ненасильственной, духовно-культурной трансформации общества. В философской системе С.Л. Франка происходит слияние этической и социально-политической концептуализации. Активности человека задана нравственная направленность, но возможность воздействия человека через свою духовную жизнь на общий порядок жизни С.Л. Франк связывает с развитием институтов гражданского общества.